

Концепт *repas* связывается во французском сознании не только с семейной атмосферой: во Франции совершенно обычным делом является прийти поужинать в ресторан или в кафе, назначить там встречу знакомым, друзьям. Появление первого ресторана в Париже датируется 1672 годом, а в 1680 году в Париже открывается первое кафе. Особо следует выделить специфическое восприятие французами кафе и ресторанов, которые для них являются не только местом приема пищи вне дома. Поэтому если для большинства русских семей поход в ресторан – это праздник и событие, то у французов есть свои любимые кафе и рестораны недалеко от дома или рядом с местом работы: в них они могут и обедать, и ужинать. Каждый из ресторанов имеет свою ауру. Известно, что некоторые французские писатели могли писать свои романы только в своем кафе или ресторане: например, Ж.-П. Сартр и Н. Саррот. Все приведенные данные, взятые нами из оригинальных французских документальных и художественных текстов, в определенной мере показывают специфичность французского видения мира в очень важной для них сфере бытовой жизни.

Библиографический список

1. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
2. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
3. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
4. Trésor de la langue française // <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm>.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, РАН. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

Н.В. Шестеркина, Е.А. Пестова

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КЛАСТЕРА “ЦВЕТ/СВЕТ” В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ: ЧАСТИЧНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ (на материале лирики Г. Гейне)

Мордовский государственный университет

При сопоставлении стихотворений Г. Гейне и их русских переводов выявилось немало частичных соответствий значений лексем кластера “Цвет”. Проанализируем лексему *weiss*, регулярным соответствием кото-

рой в русском языке является лексема *белый*. Однако в следующих примерах переводчики используют контекстуальные соответствия *бесцветный*, *облачный*, *бледный*, значения которых представляют собой отдаленные оттенки белого цвета и тем самым лишь частично покрывают объем значения лексемы *белый*: *Der weisse Blick – Бесцветный* взор (А.Б.); *Der weisse Streif – Облачный* туман (М.М.); *Weisse Maid – Она ... печальна и бледна* (М.М.) (В данном варианте перевода добавлен атрибутив *печальный*).

Таким образом, в переводе лишь частично передается цветообозначение *белый*, ярко выраженное в оригинале. Но вместе с тем, благодаря использованию данных эпитетов, повышается образность поэтического языка, а также более полно и точно воссоздаются поэтические образы оригинала. Передача лексемы *weiss* прилагательными *бесцветный*, *облачный*, *бледный* может объясняться и тем, что в русской языковой картине мира прилагательное *белый* обладает способностью обозначать очень разные оттенки цвета, то есть называть очень различные, совсем светлые оттенки разных цветов, настолько слабые, что они едва приближаются к белому. Считается даже, что первоначально прилагательное *белый* использовалось со значением “светлый, светлее других в этом роде” [1: 75].

В следующем примере переводчик передает лексему *weiss* сравнительным оборотом *снега белее*, благодаря чему усиливается выразительность цветообозначения *белый*, возникает новый цветовой образ:

Mit dem weissen Schleier – Покрывалом снега белее (В.З.).

Уточнение цвета наблюдается также и в следующем примере:

Weisse Wäsche – Жилет блестяще-бел (В.Л.).

Переводчик подчеркивает белизну с помощью сложного прилагательного *блестяще-белый*. Прибавление лексемы *блестящий* усиливает также и яркость белого цвета по сравнению с оригиналом.

Немецкой лексеме *schneeweiss* в русском языке есть соответствующий эквивалент *белоснежный*, но переводчик употребил слово *поблекший*, лексическое значение которого лишь частично отражает значение лексемы *schneeweiss*: *Mit schneeweissen Wangen – С лицом поблекшим* (В.З.).

В оригинале сложное прилагательное *schneeweiss* усиливает яркость и выразительность предмета, подчеркивает ослепительную белизну. В переводе же отсутствует эта выразительность, ослабевает экспрессивность. Переводя лексему *schneeweiss* лексемой *поблекший*, переводчик значительно приглушает белый цвет и несколько снижает образность цвета оригинала, однако повышает образ изображаемого героя. Кроме того, при сочетаемости с существительным, рисуя облик героя, переводчик использует метонимический перенос в отношении часть – целое (*щека – лицо*), сохраняя при этом описание лица героя.

Рассмотрим лексему *rot*. Наиболее частотным лексико-семантическим вариантом данной лексемы в русском языке является лексема *красный*. Однако в качестве цветообозначения слово *красный* весьма объемно и не

всегда очень выразительно, поэтому художники слова, поэты, переводчики охотнее употребляют слова, обозначающие более точные и более экспрессивные оттенки *красного* – *румяный, румянец, багряный, багровый, алый, рыжий*. Следует, однако, отметить, что такие цветообозначения присущи в основном поэтическому языку: *Die Sonne rot* – *Румяный свет* (М.М.); *Das rote Sonnengold* – *Румянец* (В.Л.); *Von all den roten Korallenbäumen* – *Багряные* рощи коралловых рифов (В.Л.); *Rot' und blaue Blumen* – Цветы голубые и *алые* (М.М.); *Rotköpfiger Sonn* – *Рыжий* сын (В.Л.) – В данных примерах переводчики не просто отмечают тонкие оттенки цветов, но и употребляют цветообозначения в привычных для русского поэтического языка словосочетаниях: *румяный свет, багряные рощи, алые цветы*. Конечно, подобные лексемы лишь частично передают значение немецкой лексемы *rot*, но, тем не менее, использование их в переводе не искажает текста оригинала, а напротив, вызывает в сознании русских читателей большую образность.

Рассмотрим сочетаемость лексемы *rot* и ее русских соответствий в сопоставляемых вариантах стихотворений: *Die Sonne rot* – *Румяный свет* – В данном примере переводчик передает немецкую лексему *die Sonne* ‘солнце’ лексемой *свет*, что однако не искажает смысла оригинала, поскольку в русском сознании данные понятия близки (*свет* – неотъемлемый атрибут *солнца*).

Das rote Sonnengold – *Румянец*. – Переводчик передает данное словосочетание одним словом, то есть осуществляет свертывание. Кроме того, мы наблюдаем в данном примере персонификацию образа солнца, поскольку, как определяет толковый словарь С.И. Ожегова, *румянец* – это “розово-красный цвет лица, щек”, то есть признак, присущий человеку.

Von all den roten Korallenbäumen – *Багряные* рощи коралловых рифов – Переводчик эксплицирует содержание оригинала, создает очень яркий поэтический образ. По определению толкового словаря Н.Д. Ушакова, *багряный* – “то же, что багровый”, а *багровый* – “густо-красный, кровавого цвета”. Таким образом, в переводе значительно повышается насыщенность цвета, представленного в оригинале.

Rotköpfiger Sonn – *Рыжий* сын. – Переводчик осуществляет генерализацию (более точное соответствие – *рыжеголовый*). Однако применение данной трансформации не искажает смысла высказывания, напротив, по сравнению с лексемой *рыжеголовый*, лексема *рыжий* является более употребительной (хотя употребляется и лексема *рыжеволосый*).

Rot' und blaue Blumen – Цветы голубые и *алые*. – По сравнению с оригиналом в переводе увеличивается насыщенность цвета (алый – “яркий, светло-красный”). Употребление переводчиком данной лексемы не случайно: *алый* в русском языке долго употреблялся именно для обозначения цвета растений.

Рассмотрим лексему *grün*. Соответствием ей в русском языке является лексема *зеленый*. Однако в переводах встречаются и иные соответствия, семантические значения которых несколько отличаются от значения лексемы *grün*. Приведем некоторые примеры:

Und im wogenden Geschmeide/ Zieht das Schiff die *grünen* Furchen. –

И корабль златую влагу/ Режет следом *изумрудным*. (М.М.)

(В переводе добавлен эпитет *златой*, имплицированный в оригинале лексемой *Geschmeide* ‘украшение из драгоценного материала’). Как определяет словарь С.И. Ожегова, *изумрудный* – “прозрачно-зеленый”. Таким образом, в переводе несколько снижается насыщенность и яркость цветообозначения *grün*, представленного в оригинале, но вместе с тем, благодаря эпитету *изумрудный*, повышается образность текста перевода, что немало важно в поэтическом языке, тем более что изумруд – драгоценный камень. Несмотря на частичное соответствие русской лексемы *изумрудный* немецкой лексеме *grün*, смысл оригинала не искажается, поскольку в русском сознании изумрудный цвет ассоциируется с зеленым (*изумрудный* – оттенок *зеленого*).

В следующих примерах цветообозначение *grün* передается в русских переводах имплицитно, общий смысл высказывания при этом не искажается, поскольку для русского читателя образы *поле*, *поляна* тоже связаны с зеленым цветом: In dem *grünen* Raum – *Поляна* (М.М.); Auf *grüner* Aue – *В поле* (Л.Г.)

В следующем примере примечательно то, что переводчик меняет стиль оригинала (с нейтрального на высокий): Im *grünen* Grass – В расцвете *весны* (В.Л.) – В данном примере в переводе цветообозначение *grün* тоже выражено имплицитно: расцвет весны уже подразумевает зеленую траву, зеленые краски природы.

К группе цвета *grün* относится также прилагательное *smaragden*. Немецкий словарь Duden следующим образом определяет данный цвет: *Smaragden* – “von leuchtendem hellerem Grün”. В русском языке есть соответствующий эквивалент *изумрудный*, однако в следующем примере переводчик употребляет выражение *сверкает зеленью*:

Der *smaragdene* Frühling – *Сверкает зеленью* солнечный май (В.Л.)

(В выражении *сверкает зеленью* прослеживается связь со сверкающими изумрудами, поскольку *der Smaragd* в переводе на русский язык означает *изумруд*). Словосочетание *der smaragdene Frühling* переводчик передает на русский язык распространенным предложением, эксплицируя тем самым смысл немецкого текста.

Рассмотрим примеры частичного совпадения в случае с лексемой *blau*:

Sie haben mich gequälet, / Geärgert *blau und blass* –

Они меня истерзали / И сделали *смерти бледней*. (А.Г.)

В оригинале с целью усиления признака бледности используется парное выражение (Paarwort) *blau und blass*, в переводном же тексте усиление признака осуществляется за счет употребления сравнительной степени: *смерти бледней*. Несмотря на отсутствие в оригинале лексемы *смерть*, употребление ее в переводе вполне оправдано: для русской языковой картины мира является характерным использование прилагательного *бледный* в этом сравнении.

Рассмотрим следующий пример:

Die *blauen Veilchen* der Äugelein – И глазки ее – *незабудки* (М.М.)

Словосочетание *die blauen Veilchen* ‘голубые фиалки’ переводится в данном примере как *незабудки*. По определению словаря С.И. Ожегова, *незабудка* – “растение с мелкими голубыми цветками”. Таким образом, русское соответствие данному словосочетанию сложилось из значений лексем *blau* и *Veilchen*.

Интересен пример: *Schwingt sie sich hinauf ins Blaue* – *Снова в небе* исчезает (М.М.) – Данный пример демонстрирует, что в немецком языке лексема *das Blaue* (“синева”) является признаком небесного цвета и в приведенном выше контексте это цветообозначение замещает понятие *небо*. Переводчик передает *das Blaue* лексемой *небо*, так как в сознании русского этноса с ним тоже связан синий цвет. Таким образом, можно сделать вывод, что и для немецкого, и для русского языка синева, синий цвет является признаком небесного цвета.

Обратимся к лексеме *violett*. Немецкий словарь Duden так определяет ее значение: *violett* – “in der Färbung zwischen Blau und Rot liegend, veilchenfarben”. В русском языке есть соответствующий эквивалент *фиолетовый*, но в приведенном ниже примере переводчик употребляет лексему *сизый*, которая по своему содержанию в значительной степени отличается от цветообозначения *фиолетовый*:

Aus violetterm Gewölk – *сквозь сизое* облако (М.М.) – Толковый словарь русского языка под ред. Н.Д. Ушакова определяет лексемы *сизый* и *фиолетовый* следующим образом: *Сизый* – “темно-серый с густым синеватым отливом”, *Фиолетовый* – “цвета фиалки, синий с красноватым оттенком, лиловый”.

Несмотря на столь разные лексические значения слов, переводчик отдал предпочтение лексеме *сизый*. Вероятно, это связано с лексической сочетаемостью. Словосочетание *сизое облако* является более привычным и близким для русского читателя, нежели словосочетание *фиолетовое облако*. Прилагательное *фиолетовый* никогда не было очень употребительным в русском языке, особенно в художественной литературе. Но, тем не менее, оно может употребляться для названия очень многих и очень разных оттенков. Оно может называть и цвет темного синего с легким красноватым оттенком неба. А в основе сизого цвета лежит серый цвет, однако с синим

оттенком. В этом проявляется связь цветообозначений *фиолетовый* и *сизый*. Поэтому подобную замену в переводе можно считать оправданной.

Проанализируем лексему *grau*, значение которой в немецком словаре Duden определяется следующим образом: *grau* – “im Farbton zwischen Schwarz und Weiss; von der Farbe der Asche, dunkler Wolken”. Регулярным соответствием данной лексеме в русском языке является лексема *серый*. Словарь С.И. Ожегова дает следующее определение этому цветообозначению: *серый* – “цвета пепла, дыма”. Таким образом, общей для немецкой и русской лексем является сема “цвета пепла”. Но, несмотря на схожесть значений данных лексем, в приведенных ниже примерах переводчиком используются контекстуальные соответствия *угрюмый*, *свинцовый*, которые лишь частично отражают значение лексемы *grau*:

Warum ist die Erde so *grau*? – Почему на всем *угрюмая* тень? (В.Л.)

Ein feuchter Windzug kräuselt / Die *graue* Wasserbahn –

Под резким ветром барашки / Бегут по *свинцовой* реке (В.Л.)

Употребление переводчиком контекстуальных соответствий не случайно: они усиливают образность поэтического языка. Эпитет *угрюмая тень* более эмоционально окрашен, нежели эпитет *серая тень*. Он персонафицирует соответствующее существительное, так как употребляется чаще всего для характеристики человека. Кроме того, в русском языке лексема *угрюмый* находится в некоторой связи с лексемой *серый*: в русском сознании серый цвет ассоциируется с чем-то неприветливым, угрюмым и даже мрачным. Употребление во втором примере эпитета *свинцовый* в сочетании с лексемой *река* тоже повышает экспрессивность поэтического языка, порождает в сознании русского читателя больше образов, нежели просто словосочетание *серая река*. Кроме того, между лексемами *свинцовый* и *серый* обнаруживается некоторое сходство. *Свинцовый* – синева-серый, цвета свинца, то есть в какой-то степени прилагательное *свинцовый* передает цветообозначение *серый*, хотя и значительно превышает его по насыщенности.

Рассмотрим лексемы *bleich* и *blass*. В немецком языке данные лексемы имеют несколько разные значения: *bleich* – “sehr blass; von sehr heller, weisslich gelber Färbung; fast farblos wirkend, fahl”, *blass* – “etwas bleich, im Farbton nicht kräftig; hell, matt”. Несмотря на различия в значении данных лексем, они чаще всего передаются на русский язык одной и той же лексемой *бледный*. Но переводчики употребляют и иные соответствия, являющиеся в большей степени контекстуальными: Und die *bleiche* Schar im Kreise schwebt – И *призраки* с хохотом ринулись в пляс. (В.Л.)

При переводе словосочетания *die bleiche Schar* переводчик воспользовался лексико-грамматической трансформацией, а именно приемом смыслового развития, который заключается в замене словарного соответствия контекстуальным, логически связанным с ним. Переводчик переосмысливает содержание оригинала и употребляет соответствие, наиболее полно

передающее смысл оригинала. Уже само значение слова *призраки* ассоциируется в русском сознании с чем-то бледным, прозрачным, поэтому и подобная трансформация несколько не искажает смысл оригинала, напротив уточняет его и вносит ясность в текст перевода.

В следующем примере употребление переводчиком эпитета *тусклый*, тоже являющегося контекстуальным соответствием, вносит несколько иное значение в текст перевода: *Der bleiche, herbstliche Halbmond / Lugt aus den Wolken heraus* – Сквозь тучи холодный месяц/ Пробился *тусклым* серпом (В.З.).

Лексема *bläss*, употребляемая в оригинале в сравнительной степени, передается на русский язык глаголом *меркнуть*. Переводчик осуществляет смысловое развитие, заменяя словарное соответствие *становится бледнее* контекстуальным *меркнет* (как определяет словарь Ожегова, *меркнуть* – “постепенно утрачивать яркость, блеск”):

Abendlich blässer wird es am Meer – *Меркнет* вечернее море (М.М.)

В следующем примере замена словарного соответствия *бледный* контекстуальным *бесплотный* усиливает экспрессивность и образность поэтического языка:

Da hab` ich viel blasse Leichen / Beschworen mit Wortesmacht –
Вот вызвал я силою слова / *Бесплотных* призраков рать (В.З.)

Контекстуальные соответствия преобладают и в следующих примерах:

Blass und hager an den Krücken/ Hinkt sie weiter nach der Wiese –
То лесничиха *седая* / С костылем проковыляла (В.Л.); *Mit blassen Wangen* –
Была она *снега белее* (Р.М.)

Таким образом, на основе проанализированных вариантов стихотворений можно сделать вывод о том, что, несмотря на наличие для лексем оригинала прямых соответствий в языке перевода, переводчики очень часто отдают предпочтение использованию в переводе контекстуальных соответствий, которые зачастую более полно и точно передают мировидение переводимого поэта, а это, как отмечалось выше, является наиважнейшей задачей переводчика. Следует, однако, принять во внимание и те случаи, когда языковые картины мира в подлиннике и переводе различались. Различия эти прежде всего лежат в этническом художественном мировидении, национальных языковых картинах мира и в поэтическом взгляде на мир двух мастеров слова.

Библиографический список

1. Бахилина, Н.Б. История цветообозначений в русском языке / Н.Б. Бахилина. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1994. – 928 с.

3. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Д.Н. Ушаков. – М.: Астрель: АСТ, 2000. – Т. 1. – 848 с.; т. 2. – 528 с.; т. 3. – 720 с.; т. 4. – 752 с.

4. Duden: Deutsches Universalwörterbuch, 5., überarbeitete Auflage, herausgegeben von der Dudenredaktion. – Dudenverlag: Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich, 2003. – 1892 S.

Л.П. Борисова

КОНЦЕПТ “ВОДЯНЫЕ ГЛАЗА” В ЯКУТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Якутский государственный университет

В якутских олонхо глаза человека имеют постоянный эпитет уу “водяной, водянистый”, это одно из эпических определений, обозначающих человека вообще. Поиски мотивировки исходного языкового образа, утраченного носителями языка, приводят к достаточно тривиальному значению “глаза – отверстие, дыра”, но с одним существенным уточнением: “глаза – углубление, яма, заполненная водой” [8: 69], отсюда их способность испускать слезы. Глаза являются вместилищем, пространством, в котором локализуются чувства и эмоции. В загадках *харах* “глаз” часто загадывается через озеро, прорубь [10: 1569; 1570; 1572; 1574; 1576; 1577; 1578; 1579], вода в этом озере не замерзает и в лютые морозы [Там же: 1563; 1564]; в народных песнях образное выражение вместо *харах* “глаз” – *күөл уу* “озеро” [6: стб. 1314]. Примерами сохранения в современном языке параллели “глаз – отверстие, дыра; яма, заполненная водой” служат словосочетания *сир хараҕа* (букв. глаз земли) “глубокое озеро строго круглой формы”; *тааһ хараҕа* “проталина на льду” [11: 483]; *күөл хараҕа* (букв. глаз озера) “сфероидальные, различной величины (от ½ до 2 дюймов в диаметре), темно-зеленого цвета, отдельные массы, не имеющие правильной формы и представляющие скопления низших растительных организмов” [6: стб. 1314]. Сравнение глаз с водой, возможно, основывается на их общем свойстве ‘(не)подвижности/текучести’, ср.: *эһ сиһлээх ... харахтаах* (эһ сиһ от эһ ис прибой воды, плескание (всплескивание) жидкости о что-л. [6: стб. 271]), глубокий взгляд [5: 89]; “глаза его, лишаясь зрения, стали подвижными, как озеро” [9: 370] или “*хараҕа көрбүтүн көрбүтүнэн күөл буолан барда* глаза его стали делаться неподвижными, как озеро; он оставил свои глаза” [6: стб. 1314].

В словаре Э.К. Пекарского уу *харахтаах* передается как “с водяными (мягкими, нежными) глазами” [6: стб. 2965], ассоциацию глаз с водой Пе-